

**Всероссийская олимпиада школьников по литературе
2025/2026 учебного года
Муниципальный этап
10 класс**

Аналитическое задание (50 баллов)

Вариант 1 (по выбору)

Выполните целостный анализ стихотворения **Давида Самойлова** «Красота». Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Она как скрипка на моём плече.
И я её, подобно скрипачу,
К себе рукою прижимаю.
И волосы струятся по плечу,
Как музыка немая.

Она как скрипка на моём плече.
Что знает скрипка о высоком пенье?
Что я о ней? Что пламя о свече?
И сам господь - что знает о творенье?

Ведь высший дар себя не узнает.
А красота превыше дарований -
Она себя являет без стараний
И одарять собой не устает.

Она как скрипка на моём плече.
И очень сложен смысл её гармоний.
Но внятен всем. И каждого томит.
И для неё никто не посторонний.

И, отрешась от распрей и забот,
Мы слушаем в минуту просветленья
То долгое и медленное пенье
И узнаем в нём высшее значенье,
Которое себя не узнает.

1963

***Давид Самуилович Самойлов (1920-1990)** — советский поэт и переводчик.

Вариант 2 (по выбору)

Выполните целостный анализ произведения **Вечеслава Казакевича «Корова, ласточки и поэт Рембо»**. Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Он попал в армию в апреле. А пока добрался до своей части в Германии, война кончилась. Оставалось сфотографироваться на память у местного фотографа. Его посадили на дамского вида стул с вычурной спинкой и сунули в руки искусственный цветок. То ли фотограф вручал этот жеманный цветок всем желающим перенестись в будущее, то ли подсознательно хотел придать мирный вид одному из страшных пришельцев.

Другой мог бы отказаться от такого, совсем не подходящего солдату аксессуара. Но мой деревенский дед не отверг пыльное изделие: раз его дает фотограф, значит, так надо; может, без этого мятого цветка никакая птичка не вылетит из зеркального дупла.

Так он и сидит на фото: в хэбэ и пилотке, в ботинках и чёрных складчатых обмотках, покорно и неловко сжимая в пальцах фальшивый цветочек, который со временем заведёт его в фальшивые миры. Цветы и не на такое способны! Дед ещё не знает, что, хотя война кончилась, одного немца он убьёт.

Его назначили в караул, охранять склады под Бранденбургом, и когда в сумерках он расхаживал между длинными приземистыми строениями, удерживая сползающую с плеча трехлинейку, которой хотелось не болтаться за костлявой спиной, а полежать в мягкой траве, из-за дальнего угла склада внезапно и неслышно появилась человеческая фигура.

— Стой! — в ужасе, как положено по уставу, крикнул дед, роняя с плеча винтовку. — Стрелять буду!

Расплывчатый незнакомец даже не повернулся и не ускорил тихую, почти ленивую походку. На ходу он слегка выбрасывал правую руку от груди в сторону, и в этой руке неожиданно, как серебряная рыбка в речке, блеснуло узкое лезвие.

— Стой! — возопил дед и, хотя никогда не ругался, у него, наверно, сорвались с языка те слова, которые при случае настолько непроизвольно вырываются у нас, что, возможно, являются главной нашей инстинктивной реакцией на внешний мир.

Он выстрелил в небо. Но смутная фигура в штатском, которая была, конечно, или переодетым эсэсовцем, или не менее переодетым вервольфом, продолжала идти, как ни в чем не бывало. Дед вырвал ствол из небес, еще раз нажал на спусковой крючок, и расплывчатая тень, будто вспомнив, где ее место, ничком легла на траву.

Следствие выяснило, что это был глухонемой дурачок, который на ходу обычно строгал палочки. Его отправили на поиски заблудившейся коровы.

Дед всегда был неразговорчивым. Но после демобилизации совсем перестал разговаривать. Бабушка думала, что в армии его околдовали. Простодушная догадка как нельзя лучше характеризовала суть любой армии, но помочь деду не могла. Пришлось отнести соседке-ворожее три яйца, чтобы та прочла соответствующий заговор.

— Ни с тобой, ни с детьми не зюкает? — уточнила соседка.

— Ни с кем!

— А с собакой? — с надеждой спросила ворожея.

— Собаку волки унесли.

— Сколько твоей младшей?

— Полтора будет.

— Вот и дай её мужу в руки...

И лишь после того, как пускающее пузыри дитя залепетало на мужских руках никому не понятные слова, к моему деду понемногу стал возвращаться дар речи. Но прошёл год, прежде чем он признался, что убил в Германии немца.

— Надо помолиться за упокой, — сразу сообразила бабушка. — А корову хоть нашли?

— Он палочки строгал, — пробормотал дед. — Помнишь Юзика?

Его младший брат Юзик тоже бродил по деревне, глупо улыбаясь и строгая палочки, пока его не сбила машина.

Родители с детства стали отвозить меня к деду и бабушке на лето, и дальнейшим событиям я стал хоть не слишком внимательным, но свидетелем.

Только на закате они бросали работу и садились за калиткой на лавку. Дед доставал портсигар с выпуклым оленем на крышке. Этот заржавленный поломанный портсигар он нашёл на дороге. Исправил защёлку, натянул резинки, надраил до блеска оленя. Курил он «Приму», каждую сигарету разрезал на две половинки, вставлял в самодельный деревянный мундштук и выкуривал до последней крошки.

Уезжая от них к родителям, я не сомневался, что, приехав в следующий раз, вновь найду и приземистую лавочку, и рогатый портсигар, и все остальное совершенно не изменившимися. Такой незыблемой и прочной казалась эта жизнь.

Но в один год дед прислал письмо, что хату съел жук, и бревенчатые стены стали, как вата. Невольно передо мной предстал огромный жук в глянцево лоснящемся шлеме, зажавший в черных занозистых лапах знакомый дом и откусывавший от него большие куски.

Ватные стены тоже привлекли моё внимание. Я воображал беловатные палаты, мягкие стены которых можно было выгибать в любую сторону. С удовольствием я видел избу со вздувшимися щеками и лезущими на лоб окнами.

Но оказалось, что жуки, погубившие дом, были совсем маленькими и превращали брёвна не в вату, а в обыкновенную труху.

Деду выписали леса, и он сложил дом на другом месте, чтобы жук не сожрал и новую избу. И сразу после этого корова Зорька наступила ему на ногу. Сдержанный, молчаливый дед даже громко застонал, но ничего больше не сказал. Бесплезно уговаривать коров не наступать вам на ноги.

Пара ласточек затеяла строить гнездо под стрехой новенького с иголки дома. Дед пытался отогнать их, махая руками и бросая в них мелкие камешки. Но ласточки не унимались, и на обшитой свежими дощечками стене вскоцило, как бельмо, глиняное гнездо.

Дед принес стремянку и палкой сбил гнездо. Ни яиц, ни птенцов в нём не было. Но ласточки долго убивались, с пронзительными криками метались по двору, недоумевая, куда девалась их саманная хижина. А потом пропали и больше уже не показывались.

Бабушка ужасно расстроилась:

— Это же ласточки! — втолковывала она деду, как тупому ученику. — Когда Исус на кресте умирал, они вокруг летали, махали крыльями, чтобы прохладнее было...

Бабушка рассказывала об этом с такой убеждённоcтью, будто сама присутствовала на пустынном холме и собственными глазами с трепетом наблюдала, как тучи сизо-голубых ласточек с оглушительным шелестом и шорохом вьются вокруг высоко вздыбленного креста, поднимая настоящую воздушную бурю, в которую стражники напрасно тычут копьями.

— А чего они мне дом портили? — мрачно заталкивал дед в мундштук очередную половинку сигареты.

Через несколько дней у него заболело колено.

— Гадкая корова! — морщился дед.

— Она тебе на колено наступила? — защищала бабушка свою Зорьку. — Как бы это не что-то другое было...

Когда колено вздулось и посинело, они пошли на фельдшерский пункт.

— Что случилось? — спросила фельдшерица.

— Корова, — угрюмо буркнул дед.

— Ласточки, — возразила бабушка.

Выслушав обе версии, фельдшерица направилась к стеклянному шкафу с пузырьками. Сама она склонялась к ласточкам. Но спорить с дедом не хотела. Будь у неё широкий выбор медикаментов, она бы дала лекарство и от коровы, и от ласточек. Но у неё была только зелёнка.

— Ещё лопух приложите, — щедро озеленив деду колено, посоветовала она. — Только кладите его не лицом к ноге, а спиной!

— Знаем, — ответила бабушка, удрученно думая, что лопухи, возможно, могли бы помочь от воробьев, но не от ласточек.

Нога болела всё сильнее и начала чернеть. Лопухи, как бабушка и предсказывала, не помогли. Деда повезли в районную больницу. «Гангрена!» — сказали там и положили его на холодный металлический стол.

От наркоза он почему-то не уснул. Операция тянулась долго. «Давай покурим!» — говорил хирург. Давал деду папиросу и сам закуривал. Перекурят вместе, потом врач опять начинает пилить и резать, а дед кричать.

К сожалению, отрезали мало, оставшийся обрубок продолжал чернеть. Деда опять отправили на операцию и укоротили ногу под самый пах.

Он сам себе сделал тяжелый протез, но ходить на нем не смог. Отрезанная нога болела хуже прежнего, особенно ночью. Каждый вечер дед просил дать ему чарку самогона. “Нога-алкоголик!” — ворчала бабушка, поднося ему гранёный стаканчик. Однажды деду показалось, что самогона меньше обычного, и он вдребезги расшиб стаканчик об пол.

— Ах ты, бродяга! — выговаривала ему бабушка. — Я тебе самогон ношу, а ты мне мусоришь!

На следующий день она налила чарку вровень с краями, еле донесла.

— На что столько? — спросил дед. — Это всё немец, — с горечью продолжал он, дрожащими пальцами всовывая в мундштук хирургически точно разрезанную пополам сигарету. — Он на меня корову наслал!

Фантастическое видение летящей по небу немецкой коровы, которая хлопалась затем оземь, втиралась бабушке в доверие и становилась Зорькой, представало передо мной. Но бабушка с такой картиной не соглашалась.

Днём дед, который теперь постоянно сидел на кровати и беспрерывно курил, нечаянно обронил на одеяло горящую частичку табака. Одеяло затлело. Дед пополз на кухню за водой. Одеяло, пользуясь его отсутствием, запылало по-настоящему. Только подоспевшая бабушка спасла дом от неминуемой гибели.

— Такой же случай в Чемоданах был, — рассказывала она, водворяя деда обратно на кровать. — Старуха сбила ласточкино гнездо, а ласточки принесли несколько угольков и сбросили ей на соломенную крышу. Сгорела бабка вместе с хатой!

— При чём тут Чемоданы! — стонал дед. — Немец не зря палочки строгал. Теперь меня ножами режут!

— Почему она не убежала? — тихо интересовался я у бабушки.

— Кто?

— Старушка.

— Куда старому бежать? — философски отвечала бабушка.

Когда у деда начала чернеть вторая нога, она хотела вновь отвезти его в больницу. Но дед наотрез отказался:

— На что такие муки терпеть, если отрезанное все равно болит?

Он перестал есть, только курил и громко ойкал дни и ночи напролет. Дождавшись, когда бабушка пошла в магазин, он проглотил все таблетки, который скопились у него на табуретке. Но не умер.

— Что ты задумал? — ругала его бабушка. — Не ты себя сюда привел и не ты выпроваживать будешь!

Перед самой смертью дед в забытии разговаривал со своим братом Юзиком. Ему казалось, что это он убил его.

Оставшись без мужа, бабушка продала корову, поделила деньги между детьми и переехала к дочери. Дед ей приснился. «Скоро заберу тебя», — сказал он. «Забери, забери, Яночка! — взмолилась бабушка. — А как там?» — не удержалась она. «Ай, Альбетка, и тут не хлеб, а крошки!»

До встречи оказалось больше тридцати лет. Бабушка дожила до девяносто одного года и ругала бога за то, что не дает ей умереть. Когда дочка ушла на работу, она открыла газ. Но запах услышали соседи. Бабушка умерла своей смертью. На кладбище её положили рядом с дедом.

Я думал про них, читая об Артюре Рембо. В Африке, где он, забыв стихи, успешно менял карманные зеркальца и бусы на золото и слоновьи бивни, у него тоже заболело колено. Хотя никто ему на ногу не наступал и ни одного туземца он не убил, только поставлял им винтовки.

С поясом, набитым золотыми монетами, Рембо срочно вернулся во Францию, где врачи определили у него рак кости и ампутировали ногу. Ему сделали легчайший протез, набитый конским волосом и лакированный сверху донизу, наверно, для того, чтобы его можно было с гордостью продемонстрировать всем желающим.

Но даже такой франтовской протез Рембо носить не смог. Культия безумно болела, к тому же у него начала чернеть другая нога. Болеутоляющего самогона никто ему не подносил, давали опий и морфий. Но все равно боль была такой нестерпимой, что он плакал, как ребенок, и повторял, что удавится.

Он верил, что заболел из-за холода, когда по пути к племенам, нуждавшимся в зеркальцах и бусах, пересекал горы, одетый в парусиновые брюки и хлопчатобумажную рубашку. В предсмертном бреде он жаловался, что замерзает, и говорил о зычных горных водопадах, о спящем под четырьмя лунами Хараре.

Мой дед Янка и поэт Артюр Рембо оказались очень похожи. Главная разница между ними была только в том, что один курил трубку за трубкой, а другой мундштук за мундштуком.

Лишь в двадцатом веке в медицине — да и то не повсеместно, судя по районному врачу, нашедшему у моего деда гангрену, но не сказавшему, отчего она началась, — утвердилось мнение, что у отъявленных курильщиков с годами может развиться — прости, читатель, за тарабарские слова! — облитерирующий эндартериит.

Глухонемой призрак, преследовавший моего деда, и подосланная перелетная корова, богоугодные и мстительные бабушкины ласточки, парусиновые штаны и ледяные водопады Рембо — все оказалось пустыми домыслами и ерундой. Но как хорошо, что мой дед и бабушка, проклятый поэт Артюр Рембо и мы все, проклятые не меньше его, до последнего вздоха не расстаемся с такой чепухой! Чем была бы наша жизнь без неё? Нам бы даже крошек не осталось!

***Вечеслав Степанович Казакевич** (род. в 1951) — русский писатель и поэт, член союза писателей.

Творческое задание (20 баллов)

Литературный сквер с памятником писателю Алексею Николаевичу Толстому торжественно был открыт в Самаре 7 сентября 2024 года. Расположен он на улице Фрунзе 155, рядом с домом-музеем Толстого. Рассмотрите фотографию. Пространство насыщено разнообразными объектами, каждый из которых продуман до мелочей и имеет определённый смысл.

Представьте, что Вы – очевидец этого события. Расскажите о нём в жанре репортажа. Постройте свой текст на описании памятной композиции (не менее 3-х деталей/объектов), укажите связь писателя с Самарской областью, перечислите значимые произведения автора (не менее 4-х). Продумайте композицию репортажа, дайте название, напишите текст. Примерный объём – не менее 200 слов.

